

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

XX

ВЕКА:

ИТОГИ СТОЛЕТИЯ

II международная
научная конференция
молодых ученых

Санкт-Петербург
пос. Поляны Ленинградской области

1-5 июля 2001 года

он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром Вот это искусство!¹ (Достоевский Ф М Письма Т 4 М, 1959 С 178)

Реальность двойника ставится под сомнение как в «Двойнике» Достоевского, так и в «Отчаянии» Набокова В обоих произведениях фантастические мотивы вводятся в повествование посредством аллюзий на произведения, в которых фантастическое имеет большие права, чем в «Двойнике» и «Отчаянии» Сумасшествию сопутствует мотив связи с темными силами (о потусторонней природе Голядкина-младшего см у Панченко А М О русской истории культуры СПб, 2000 Ср Феликс у Набокова — левша человек, отмеченный печатью демонического)

Автором доклада прослеживается 1) присутствие текста Достоевского в романе Набокова «Отчаяние», 2) трансформация Набоковым мотивов зеркала, вина и табака, сопутствующих теме двойничества, 3) развитие принципа «завуалированной фантастики» у Набокова

Михаил Люстров

Москва

«ПОТЕХИ» ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В «ОЧЕРКАХ И РАССКАЗАХ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ 18 ВЕКА»

М. СЕМЕВСКОГО

И КОМЕДИЯ С. АНТИМОНОВА «ПЕТРОВЫ ПОТЕХИ»

В первое десятилетие советского правления официальное отношение к Петру I не было однозначным Петра Великого «разжаловали» в Петра I, Петербург переименовали в Ленинград, и при этом, по словам Ленина, задачи большевиков в 1918 г очень напоминали задачи царя-преобразователя в конце XVII века Что касается личных качеств Петра, то, в соответствии с господствовавшей в историографии того времени концепцией М Покровского, они оценивались очень низко Характер, пристрастия и частная жизнь императора становятся главной темой комедии С Антимонova «Петровы потехи» (1921)

Название комедии указывает на многообразие царских развлечений (от попок до военных побед), а также на место Петра в этих потехах (он не только участник, но и постановщик) Остальные персонажи развлекают зрителей, а иногда и самого Петра Самый «остроумный» герой, Меншиков, играет роль царского шута, Монса заставляют веселить царя

В качестве источника сведений о частной жизни Петра Антимонов использовал книгу М Семевского «Очерки и рассказы из русской истории 18 века» (СПб, 1884) Так, в основу сцены о вымышленной казни Анны Монс положена описанная Семевским история камер-фрейлины Марии Гамильтон Речь посвящаемого в члены пьнейшего собора Виллима Монса заимствована из той же книги

Семевский — историк демократического направления Подобные поступки Петра были для него проявлением неограниченной самодержавной власти, разоблачали и дискредитировали царизм В советской же комедии кровожадность царя никак не осуждается Больше того, пытки и казни являются важным элементом коме-

дийного сюжета Можно предположить, что, отказываясь от обличительной трактовки некоторых поступков Петра, Антимонов попытается создать комедию, соответствующую представлениям Петровской эпохи о комическом Характерно, что одна из глав указанной книги Семевского носит название «Петр I как юморист» и посвящена весьма специфическим шуткам царя

В то же время некоторые фрагменты комедии могут рассматриваться как цитаты, предназначенные для ее «включения» в традицию русской исторической драматургии Пушкинское «народ безмолвствует» после ремарки «Народ в ужасе молчит» трансформируется в «Народ кричит лениво «Да здравствует наследник Петр Петрович (ср с первоначальным вариантом «Бориса Годунова» «Народ Да здравствует царь Дмитрий Иванович!») В последней сцене комедии Антимопова «сенаторы и народ идут к Петру с приветствиями» и «кричат ура» Надо понимать, что подобное проявление верноподданнических чувств — акт доброй народной воли

Но все-таки последняя сцена комедии — примирение Петра, казнившего любовника своей жены, а заодно и собственную возлюбленную, с изрядно испуганной Екатериной Частная жизнь царя оказывается веселее его великих деяний

Мария Маликова

Санкт-Петербург

АВТОБИОГРАФИЯ МОДЕРНИЗМА.

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ДЕФИНИЦИИ И ЧТЕНИЯ

Современные литераторы, обращающиеся к модному «малому» жанру автобиографии и близким к ней способам повествования, создают произведения, в которых проблематизируют конвенции жанра, но отсутствие в славистике когерентной автобиографической теории и терминологического инструментария не позволяет в полной мере описать и оценить современное развитие жанра Д А Пригов («Живите в Москве») проблематизирует неравенство высказывания о реальности самой реальности, автобиографического героя на разных этапах его жизни самому себе и автобиографическому повествователю, роль фикционального искажения, в частности, риторических гипербол, в создании правдоподобной картины советской истории и проч, Л Рубинштейн («Это я») — дискретность и текстуальность субъекта как референта автобиографии, в традиции «Roland Barthes par Roland Barthes» и проч Мы попробуем предложить возможные критерии дефиниции и способы чтения автобиографии, основываясь на материале русской автобиографической традиции модернизма

На примере автобиографии Набокова «Другие берега» показывается роль элгии и фикциональной автобиографии в генезисе этого произведения, что проблематизирует применимость к его анализу классического жанрового определения Ф Лежена (ретроспективное прозаическое повествование, написанное реальным человеком, которое касается его собственного существования, и фокусом которого является его индивидуальная жизнь, в особенности его личность, имя реального автора на обложке книги совпадает с именем повествователя и героя) Кроме того, в русской литературе существует целая традиция автобиографических поэм